

Евгений БЕРКОВИЧ

КАК ЗЕРНА МЕЖ ДВУХ ЖЕРНОВОВ... Жертвы диктатур в XX веке

Смятение умов

По мере становления и укрепления гитлеровской диктатуры в Германии положение немецких евреев и противников режима (коммунистов, социалистов, пацифистов) становилось все более непереносимым. Однако поначалу это осознавали далеко не все.

В судьбоносный для истории Германии день 30 января 1933 года в кафе «Леон» на центральной берлинской улице Курфюрстендамм состоялось традиционное собрание представителей еврейских организаций. В повестке дня стоял вопрос о проблемах ремесленников. Незадолго до начала собрания пришло сообщение, к которому многие уже были готовы: президент Гинденбург поручил сформировать новое правительство лидеру Национал-социалистической рабочей партии Адольфу Гитлеру.

Из всех присутствующих только раввин Ганс Трамер (Hans Tramer), представлявший сионистов, посвятил свое выступление этому событию и предсказал большие неприятности, которые ожидают евреев. Однако предостережения Трамера большинство присутствующих сочло «сгущением красок и паникерством». Повестка дня не изменилась, собрание продолжало обсуждать насущные проблемы ремесленников, тема Гитлера больше не поднималась [Ball-Kaduri, 1963, с. 34].

Известие о назначении нового рейхсканцлера евреи Германии встретили относительно спокойно. Не было никакой паники, мало кто предчувствовал наступающую беду. Руководство «Центрального общества немецких граждан иудейской веры» («Centralverein deutscher Staatsbürger jüdischen Glaubens»), ведущей еврейской организации страны, выступило в тот же день с заявлением, смысл которого заключался в одной фразе: *«В целом сегодня действует один лозунг: сохранять спокойствие!»*

Чтобы сосредоточить в своих руках всю власть в стране, Гитлеру нужно было получить большинство мест в парламенте. Новые выборы состоялись 5 марта 1933 года, после поджога рейхстага и исключения коммунистов из предвыборной борьбы. Несмотря на яростную кампанию в прессе, направленную против оппозиционных

Евгений Михайлович Беркович — публицист, историк, издатель. Окончил физический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат физико-математических наук, доктор естественных наук (Германия). Создатель и главный редактор журнала «Семь искусств» и ряда других сетевых изданий. Автор книг «Заметки по еврейской истории» (М., 2000), «Банальность добра. Герои, праведники и другие люди в истории холокоста» (М., 2003), «Революция в физике и судьбы ее героев. Томас Манн и физики XX века» (М., 2017), «Революция в физике и судьбы ее героев. Альберт Эйнштейн в фокусе истории XX века» (М., 2018) и др. Публиковался в журналах «Нева», «Новый мир», «Знамя», «Иностранная литература», «Вопросы литературы», «Человек» и многих других изданиях.

демократических партий, национал-социалистам не удалось получить абсолютного большинства голосов избирателей. Только благодаря временному союзу с крайне правой Немецкой национальной народной партией Альфреда Гугенберга они контролировали 340 из 647 мест в рейхстаге. Теперь путь к диктатуре Гитлера был открыт.

Некоторые еврейские организации, например, «Союз национал-немецких евреев» («Verband nationaldeutscher Juden»), руководимый Максом Науманом (Max Naumann), и «Имперский союз еврейских фронтовиков» («Reichsbund jüdischer Frontsoldaten»), возглавляемый Лео Лёвенштайном (Leo Löwenstein), сделали попытку присоединиться к новому порядку. Лёвенштайн даже подготовил специальное заявление на имя Гитлера, к которому приложил составленные в национал-социалистическом духе предложения в отношении евреев Германии, а также экземпляр памятной книги с именами двенадцати тысяч немецких солдат-евреев, павших на фронтах Первой мировой войны. Руководитель рейхсканцелярии Ханс Генрих Ламмерс (Hans Heinrich Lammers) даже принял делегацию евреев-фронтовиков, но после этого все подобные контакты были прекращены. Власти взяли за правило игнорировать обращения от евреев и еврейских организаций.

И хотя нападки властей на евреев с каждой неделей усиливались, позиция еврейских лидеров менялась мало. Они по-прежнему призывали к спокойствию и терпению. Даже после бойкота еврейских предприятий, организованного властями 1 апреля 1933 года, известный раввин Йоахим Принц (Joachim Prinz) считал неразумным любые выступления против «нового порядка», который имеет целью дать людям *«хлеб и работу»* (один из лозунгов нацистской партии на выборах в рейхстаг).

Несмотря на все трудности, выпавшие на долю немецких евреев, их жизни в ту пору еще ничего не угрожало. Многие считали проблемы временными, они пройдут, и все станет снова прекрасно, как было. Один из самых знаменитых историков того времени Исмар Эльбоген (Ismar Elbogen) повторял распространенное тогда выражение: *«Нас могут заставить голодать, но не умирать от голода»* [Walk, 1981, с. 4]. Это была трагическая ошибка: через десять лет сотни тысяч евреев будут умирать от голода в гетто и концлагерях.

В первой половине 1933 года у некоторых (не только евреев, но и немцев) еще оставалась иллюзия, что нацистский режим продержится недолго. Кое-кто предполагал, что консервативные силы в армии не потерпят узурпации власти в руках авантюристов, военный путч тогда был еще возможен. Кто-то, как бывший канцлер Франц фон Папен (Franz von Papen), возлагал надежды на консерваторов в правительстве:

Окруженный консервативными политиками, Гитлер не сможет реализовать свои экстремистские устремления. Через два месяца мы зажмем его в угол [Bredow-Noetzel, 2009, с. 18].

Гитлер не дал себя «окружить». Напротив, он сам «окружил» своих политических противников колючей проволокой концлагерей. Но на это потребовалось время. А тогда даже такие выдающиеся мыслители, как Мартин Бубер (Martin Mordechai Buber), оставались в плену иллюзий. В письме философу и педагогу Эрнсту Симону (Ernst Simon) от 14 февраля 1933 года он выражал надежду:

Пока сегодняшняя коалиция существует, ни о какой законодательной травле евреев думать не приходится, можно говорить только об административном давлении. Антиеврейское законодательство могло бы стать реальностью только при перераспределении власти в пользу национал-социалистов. Но этого вряд ли можно ожидать [Buber, 1973, S. 466].

Действительность очень скоро не оставила от этих иллюзий и следа. Но смятение умов, в котором пребывала интеллигенция в условиях наступающей диктатуры, весьма показательны.

«Вы уволены, господин профессор!»

Свои преобразования Веймарской республики в Третий рейх Гитлер начал с «чистки» государственных служащих, к которым относились, в частности, профессора университетов. Закон «О восстановлении профессионального чиновничества» («Gesetz zur Wiederherstellung des Berufsbeamtentums») от 7 апреля 1933 года был первым законодательным актом, в котором появились расистские формулировки. Так в § 3 этого закона говорилось, что «государственные служащие неарийского происхождения должны быть отправлены на пенсию».

Исключения делались для тех чиновников, кто был принят на государственную службу до 1 августа 1914 года (так называемых «старых служащих»), либо воевал за Германию или ее союзников на фронтах Первой мировой войны, либо имел детей или родителей, павших на той войне.

Еще один параграф этого закона (§ 4) позволял увольнять с государственной службы политически неблагонадежных, «кто своей предыдущей политической деятельностью не гарантировал беззаветную преданность национальному государству». Под эту формулировку попадали социал-демократы и коммунисты, а также все, кто поддерживал идеалы Веймарской республики.

Специальным разъяснением, опубликованным 11 апреля 1933 года, определялось, кто понимался под «неарийцем» в § 3 этого закона: у кого кто-то из дедушек или бабушек были неарийцами (прежде всего евреями).

Меньше чем через месяц, 6 мая 1933 года действие этого закона распространили на приват-доцентов, которые не являлись государственными служащими.

В начале 1933 года в немецких университетах насчитывалось около шести тысяч преподавателей: профессоров, доцентов, ассистентов. С учетом технических институтов численность преподавательского состава высшей школы составляла около восьми тысяч человек. Уже в течение зимнего семестра 1934–1935 годов по новому закону было уволено 1145 профессоров и доцентов, или 14,34 % от общего числа преподавателей в предыдущем зимнем семестре [Engelmann, 1998, с. 128].

Если учесть ассистентов, сотрудников научных библиотек и научно-исследовательских институтов, то число уволенных научных работников и преподавателей в первый зимний семестр возрастет до 1684.

Однако увольнения продолжались и в следующие семестры. В 1935 году фактически отменили все льготы для участников Первой мировой войны и их семей, а также для «старых служащих». С присоединением Австрии к Третьему рейху в 1938 году начались чистки и в австрийских университетах. По данным «Центрального управления по еврейской экономической помощи» («Zentralstelle für jüdische Wirtschaftshilfe»), до 1938 года было уволено свыше 2000 ученых и преподавателей высшей школы.

По словам Вильяма Ширера (William Shirer), «в естествознании, которое на протяжении многих поколений играло в Германии выдающуюся роль, наступил быстрый упадок. Такие большие ученые, как физики Эйнштейн и Франк, химики Габер и Вильштеттер, ушли сами или подвергались травле. Из тех, кто остался, многие попали под влияние заблуждений гитлеровской идеологии и пытались применить их в своей науке» [Engelmann, 1998, с. 129].

По итогам 1935 года потерял свое место каждый пятый ученый и преподаватель Германии. Физики и математики пострадали еще значительней — уволенными оказались 25 % научных работников.

Математики пострадали больше других: гонения затронули 187 преподавателей и исследователей, из них 134 эмигрировали из Германии [Siegmond-Schultze, 1998]. Ученых увольняли из всех университетов, но интенсивность чисток была неодинаковой. Например, в Кёнигсберге отправили в бессрочный отпуск 6 математиков, во Франкфурте — 8, а в Брауншвайге, Фрайбурге, Мюнстере — по одному.

Почти две трети всех изгнанных преподавателей математики работали в Гёттингене и Берлине. В Гёттингене оказались уволенными 27 ведущих математиков, 24 из них вынуждены были эмигрировать. Среди них была и великая Эмма Нётер, занимавшая скромный пост внештатного лектора по алгебре.

Династия

В истории математики известно не так много семей, подаривших науке сразу нескольких своих представителей и среди них настоящих звезд первой величины. В этом ряду вместе с семейством Бернулли можно уверенно назвать фамилию Нётер [Беркович, 2009а]. Математическая традиция этой семьи началась с Макса Нётера, ученика Альфреда Клейна и близкого друга другого ученика Клейна — Феликса Клейна, поразительно рано ставшего руководителем большой математической школы. В возрасте двадцати трех лет Клейн получил место профессора Эрлангенского университета. После внезапной смерти учителя к Феликсу Клейну в Эрланген приехали осиротевшие ученики Клейна, в их числе Макс Нётер. Между Клейном и Нётером всю жизнь сохранялись теплые, дружеские отношения, в архиве Гёттингенского университета хранится их переписка: 89 писем от Нётера и 129 от Клейна, причем большинство начинались с дружеского, неформального обращения «дорогой Нётер» [Segal, 2003, с. 270].

Макс Нётер получил неплохие математические результаты, оставившие след в математике XIX века, но сам долгое время оставался лишь экстраординариусом, несмотря на обещания Клейна сделать его полным профессором. Клейну никак не удавалось помочь другу, хотя он искренне старался использовать для этого все свое немалое влияние в математическом мире.

Через восемь лет после начала работы Макса в Эрлангене Клейн, переехавший к тому времени в Лейпциг, писал ему с грустью, что, несмотря на все усилия, он не смог отстоять кандидатуру Нётера во Фрайбурге, а ситуация в Тюбингене еще хуже, так как там факультет твердо придерживается принципа не принимать к себе на работу евреев.

В итоге ни один университет в Германии так и не пригласил Макса Нётера на должность профессора, и он ждал тринадцать лет, пока Эрланген не предоставил ему заветное звание и кафедру.

Двое детей Макса — дочь Эмма и сын Фриц — стали, как и отец, математиками. Их карьера тоже складывалась нелегко: кроме еврейства, положение детей в академическом обществе осложнялось еще и тем, что оба придерживались левых и пацифистских взглядов. Для Эммы положение вообще выглядело безнадежным, так как до веймарской эпохи преподавание в немецких университетах женщинам было запрещено.

Будь Эмма Нётер мужчиной, ее, без всяких сомнений, приглашали бы на профессорские должности лучшие университеты страны. Ей же приходилось доволь-

ствоваться титулом «экстраординарный профессор» Гёттингенского университета, полученным ею 6 апреля 1922 года, когда ей исполнилось уже сорок лет. К этому времени она уже по праву считалась среди специалистов основоположником современной алгебры, ей удалось заложить краеугольные камни в фундаменты нескольких важнейших научных направлений.

В указе о назначении Эммы Нётер на должность экстраординарного профессора специально оговаривалось, что никаких привилегий, предусмотренных государственным служащим, ей не положено (в отличие, например, от штатного экстраординарного профессора Феликса Бернштейна, который считался госчиновником).

Отец Эммы умер год назад, и если бы не разрешение читать лекции и получать за это хоть какую-то зарплату, у Эммы практически не оставалось никаких источников для существования.

Все эти материальные и моральные ущемления Эмма Нётер переносила легко и достойно, не жалуясь и не позволяя другим себя жалеть. Ее увлеченность наукой не оставляла ей времени на сетования по поводу скромной карьеры, она жила в том мире, где бытовых неурядиц просто не существует. Основные научные результаты она получала, готовясь к очередным лекциям или гуляя в окрестностях Гёттингена. Ее лекции были столь увлекательны и неожиданны по содержанию, что поток желающих попасть к ней в ученики постоянно возрастал.

В Гёттингене Эмма Нётер появилась в апреле 1915 года и быстро завоевала уважение коллег и руководителей математической школы Феликса Клейна и Давида Гильберта.

Но никакой талант и никакие заслуги не защищали от безжалостной машины подавления, запущенной Гитлером в первые месяцы после установления диктатуры. Эмма Нётер оказалась в числе первых шести преподавателей, которым Прусское министерство запретило читать лекции и отправило в бессрочный отпуск на основании упомянутого закона о восстановлении чиновничества от 7 апреля 1933 года, положившего начало массовой чистке профессорско-преподавательского состава. В черный список, опубликованный 25 апреля, входили профессора Рихард Хониг (юридическое право), Курт Бонди (социальная психология), Феликс Бернштейн (математическая статистика), Макс Борн (физика), Рихард Курант (математика) и приват-доцент Эмма Нётер (математика). Все они оказались евреями. Хотя на этом этапе с точки зрения властей не менее преступными считались либеральные политические пристрастия преподавателей.

Эмма активно участвовала в общественной жизни лишь в начале 20-х годов: в 1919–1922 годах состояла членом Независимой социал-демократической партии Германии, после чего до 1924 года — членом Социал-демократической партии (СПД). После этого заметной политической активности Эммы не наблюдалось. Но в 1931 году, незадолго до перехода власти к нацистам, она подписала «Заявление протеста республиканских и социалистических преподавателей высшей школы» против попыток националистических студентов Гейдельберга лишить права преподавания статистика и политического полемиста Эмиля Гумбеля за его «антинемецкие» и пацифистские высказывания.

Еще одно ее «преступление» с точки зрения национал-социалистов состояло в том, что в зимнем семестре 1928–1929 учебного года она читала лекции в Москве. По словам академика Павла Сергеевича Александрова, лично знакомого с Эммой, «она восхищалась советской наукой, и особенно математикой. Ее симпатии безоговорочно были на стороне Советского Союза, в котором она видела начало новой эры в истории и твердую поддержку всего прогрессивного» [Segal, 2003, с. 59], хотя открытое выражение таких симпатий было не принято в академических кругах того

времени. Возможно, это восхищение сталинским СССР передалось и ее брату, что стоило ему потом жизни.

Кроме того, в 1933 году Эмме Нётер поставили в вину проводившиеся в разные годы на ее квартире собрания левоориентированных студенческих групп. Герман Вейль полагал, что в этом и состояла, главным образом, ее «партийная деятельность»: оставаясь, по существу, в стороне от какой-либо партийной жизни, она охотно и страстно участвовала в политических дискуссиях об актуальных проблемах общества.

Куратор Гёттингенского университета в Прусском министерстве Юстус Валентинер (Justus Valentiner) — консервативный, но не национал-социалистически настроенный чиновник — дал Эмме Нётер точную характеристику в служебной записке от 9 августа 1933 года: *«Насколько я знаю, в политическом смысле фройляйн Нётер со времен революции 1918 года и до наших дней придерживается марксистских взглядов. И даже если я допускаю, что ее политические установки были и являются сейчас скорее теоретическими, чем осознанными и практическими, я убежден, что ее симпатии столь решительно отданы марксистской политике и мировоззрению, что нельзя ожидать ее безоговорочного перехода на сторону националистического государства»* [Scharpacher, 1998].

На политическом жаргоне того времени «марксистские взгляды» означали «некоммунистические левые» установки, что-то вроде социал-демократических принципов СПД.

Это было время, когда трагедия и фарс шли рядом. У Эммы Нётер, которой запретили появляться в университете, осталось много учеников. Часть их приходила к ней домой за советами и помощью. Один из студентов постоянно являлся в униформе СА, что, по словам Ван дер Вардена, слегка смущало и даже веселило преподавателя. Хороший пример того, насколько далека была Эмма от реальной политики.

Гениальность Эммы Нётер удивительным образом сочеталась с поистине ангельским характером. Потеряв право на преподавание, она лишилась и своего маленького оклада. Герман Вейль отмечал позднее ее мужество, открытость, легкость, с которой она переносила тяготы, отсутствие озлобленности, умиротворяющий и веселый нрав — все это выглядело разительным контрастом на фоне царивших вокруг ненависти, подозрительности, озлобленности, страха перед неизвестным будущим и боли от жестокого настоящего. Как сказал Герман Вейль, *«ее сердце не знало злобы, она не верила в дьявола»*.

Траектории спасения

В начале XX века Соединенные Штаты Америки были привлекательным местом для эмигрантов из Европы. Наука и университетское образование в США бурно развивались, по всей стране требовались новые преподаватели и исследователи, опыт и знания европейских ученых были весьма кстати. Подбором кадров для американских университетов и институтов занимались многие организации. Среди них был активен Международный комитет по образованию, созданный Рокфеллеровским фондом. Комитет выдавал стипендии талантливым молодым ученым из Европы. Многие из них оставались потом в Америке навсегда.

Но не нужно думать, что в Америке найти место даже известному ученому было легко и просто. Нет, и свободных кафедр было не безгранично, и языковой барьер существовал, и конкуренцию с местными кадрами надо было выдержать.

Руководители многих американских университетов не доверяли европейским ученым, считая, что они не станут патриотами Америки. Дополнительные прегра-

ды выстраивал и антисемитизм в академических кругах США, ничуть не меньший, чем в Европе.

Особенно трудно стало найти место после 1933 года, когда Америку захлестнул поток еврейских беженцев из Европы. Даже высокий авторитет ученого помогал слабо. Директор Института математики в Гёттингене Рихард Курант был вместе с Эммой Нётер в апреле 1933 года отправлен в бессрочный отпуск «до окончательного решения вопроса». После мучительных колебаний Курант все же уехал из Германии: сначала в Кембридж, а в 1934 году в США. Несмотря на всемирную известность и славу, устроиться на работу ему было очень нелегко. Секретарь Американского математического общества Ричардсон писал в июне 1933 года датскому математику Харальду Бору в отношении его друга: *«Рихард Курант — способный администратор и талантливый математик и, без сомнений, не хотел бы занять в Америке второстепенную позицию. Однако, учитывая его слабое знание американских условий, я не думаю, чтобы какой-нибудь американский университет предоставил бы ему соответствующую должность»*.

Куранту в конечном счете повезло: с большим трудом он все же получил место профессора в Нью-Йоркском университете, где создал математический институт, который сейчас носит его имя.

Рихард Курант старался помочь своим коллегам, бегущим от преследований нацистов. Но часто усилия оказывались безрезультатными. В 1935 году он писал в английский Комитет поддержки ученых в отношении своего ученика, уже известного тогда математика Фрица Джона: *«К сожалению, обстановка сейчас такова, что среди американских ученых растет сопротивление к приему иммигрантов, которые могут занять рабочие места. Поэтому я не думаю, что Джон мог бы эмигрировать в Америку сейчас»* [Siegmond-Schultze, 1998, с. 170].

В отличие от Рихарда Куранта другому гёттингенскому профессору — директору Института статистики Феликсу Бернштейну — в эмиграции повезло меньше. Оказавшись в США в 1933 году, он так и не смог найти себе постоянное место работы, соответствующее его опыту и таланту. Всего через год после начала его последнего пребывания в США, в бумагах Рокфеллеровского фонда появляется запись от 21 мая 1934 года, дающая убийственную характеристику еще недавно процветающего ученого и научного организатора: *«Бернштейн — определенный неудачник среди ученых-беженцев, которым помогал фонд»* [Siegmond-Schultze, 1998, с. 217–218].

Так что распространенное мнение о том, что крупному ученому легко найти себя в эмиграции, не соответствует действительности. Эмиграция для большинства людей, не исключая и выдающихся ученых, становится тяжелым испытанием, выдержать которое удастся немногим [Беркович, 2008]. Массовая эмиграция случается во времена бедствий, когда оставаться в стране, не рискуя свободой или жизнью, уже невозможно. Такие условия сложились для «неарийцев» в нацистской Германии.

Куда бежать из страны, охваченной «национал-социалистической революцией», каждый решал для себя сам. Кому-то удалось устроиться в Палестине, кто-то нашел место в Турции, кто-то уехал в Южную Америку. Но большинство ученых стремились попасть в США, где перспективы трудоустройства были самыми обнадеживающими.

Для Эммы и Фрица Нётер более привлекательным представлялось направление не на запад, а на восток. По словам П. С. Александрова, Эмма *«серьезно думала об окончательном переезде в Москву»* [Александров, 1936, с. 263]. Павел Сергеевич пишет, что он вел с Наркомпросом переговоры о предоставлении ей кафедры в Московском университете, однако в Наркомпросе, как водится, медлили и не давали окончательного решения.

Между тем время шло, и Эмма Нётер, лишенная даже того скромного заработка, который она имела до увольнения, вынуждена была принять приглашение из-за океана — в женский колледж в американском городке Брин-Мор (Bryn Mawr) в штате Пенсильвания. Кроме того, она получила возможность вести научную работу в Институте перспективных исследований в Принстоне.

Даже после отъезда из Германии Эмма Нётер не показывала и следа горечи или вражды к тем, кто сломал ее жизнь. Она оказалась одной из немногих эмигрантов, кто на следующий же год после отъезда осмелился вернуться назад: летом 1934 года она решила провести некоторое время в знакомой обстановке зеленого Гёттингена, где ей так хорошо работалось все последние годы. Главной же ее задачей было проводить любимого брата Фрица в таинственную Россию, из которой ему не суждено было вернуться. Да и самой Эмме жизнь отпустила после последней встречи с братом всего год.

Устроившись сама, она тут же стала заботиться о коллегах, кому меньше повезло в изгнании. Вместе с Германом Вейлем она организовала специальный «Фонд помощи немецким математикам», в который должны были отчислять небольшую часть своей зарплаты те ученые, которые уже нашли работу. Из собранных средств выплачивались стипендии тем, кто особенно нуждался в поддержке. Денег удавалось собрать, конечно, немного, но и эта помощь многим оказалась очень своевременной и действенной.

В Америке не все понимали масштаб ее личности ученого и человека. В актах Чрезвычайного комитета Даггена сохранилась запись, сделанная 21 марта 1935 года, за три недели до неожиданной смерти гениального ученого: *«Вчера состоялась дискуссия с президентом колледжа Брин-Мор о судьбе Эммы Нётер. Она сказала, что Эмма Нётер слишком эксцентрична и трудно адаптируется к американским условиям, чтобы заключать с ней постоянный контракт, но она оставит ее в колледже еще на два года»*.

К сожалению, Эмме не дано было проработать в колледже и этих двух лет: 14 апреля 1935 года после неудачной медицинской операции она скончалась. Альберт Эйнштейн написал в тот же день издателю «Нью-Йорк таймс»: *«По мнению самых компетентных из ныне здравствующих математиков, госпожа Нётер была самым значительным творческим математическим гением (женского пола) из родившихся до сих пор»* [Рид, 1977].

* * *

Фриц Нётер не мог последовать за сестрой в Америку, так как не надеялся найти там работу, а рисковать благополучием семьи, в которой росли двое сыновей, он не хотел. Зато в Советском Союзе для немецкого профессора место работы нашлось. В Томском государственном университете имени Куйбышева требовался специалист по вычислительной математике и математической физике.

Приглашение в Томск Фриц получил от расположенного в Швейцарии «Общества содействия немецким ученым за границей» (Notgemeinschaft Deutscher Wissenschaftler im Ausland). В Томске работали и другие немецкие математики, среди них Штефан Бергман (Stefan Bergmann) и Ганс Байервальд (Hans Bayerwald). Им удалось за два года в Сибири осуществить уникальное по тем временам издание *«Известий НИИ математики и механики»* на немецком языке, в котором печатался даже Альберт Эйнштейн [Кликушин и др., 1992].

Всего из Германии в Советский Союз эмигрировало в 30-е и 40-е годы XX века около трех тысяч немецких граждан. Большинство из них были коммунисты, спасавши-

еся от репрессий нацистов. Среди эмигрантов из Германии немалую часть составляли и евреи. По сравнению с другими странами эмиграция в Советский Союз из Германии была одной из незначительных. Столько же беженцев нашли приют в Канаде. А вот в США искали спасения 140 тысяч человек, во Франции — 100 тысяч, в Великобритании — 75 тысяч, среди них 10 тысяч детей в рамках так называемой операции «Детский транспорт». Около 60 тысяч немецких евреев нашли приют в Палестине. В Чехословакию бежало 10 тысяч человек, в страны Бенилюкса — 35 тысяч, в Италию — 68 тысяч. Дания и Швеция приняли вместе более восьми тысяч немецких евреев, Швейцария — около 25 тысяч [Unger, 2009].

Фриц Нётер добился, чтобы его увольнение из Технического университета в Бреслау было оформлено как досрочный выход на пенсию. Но получал он ее недолго, только до сентября 1934 года. В связи с переездом в СССР выплата пенсии была прекращена. В жизни профессора Нётера наступил новый этап — советский. Угрозы гитлеровских властей немецким евреям теперь для него были не страшны. Опасность подстерегала с другой стороны, о которой наивный профессор даже не догадывался.

«Член террористической шпионской организации»

Об одном экзотическом приглашении Альберта Эйнштейна на работу, поступившем летом 1933 года, рассказал мне Борис Шайн, американский математик, работавший до 1979 года в Саратовском государственном университете [Беркович—Шайн, 2009]. Речь идет о предложении великому физика стать профессором этого учебного заведения. Приглашение исходило от Гавриила Константиновича Хворостина, влиятельного человека в городе и имевшего, как говорят, высокопоставленного покровителя в Москве. В 30-е годы Хворостин стал ректором (директором) Саратовского университета и мечтал, по его словам, сделать из СГУ «Гёттинген на Волге» [Гордон, 2011]. Надо сказать, что Саратов не был Эйнштейну совсем неизвестным городом: здесь жил и работал профессор Милош Мариц, с 1930 года заведующий университетской кафедрой гистологии, брат Милевы, первой жены Альберта Эйнштейна.

По словам Бориса Шайна, Эйнштейн ответил, что ему никогда не выучить русский язык. Тогда Хворостин придумал хитрый план: создать Академию наук автономной республики немцев Поволжья, сделать Эйнштейна ее президентом с хорошей зарплатой, а жить и работать физик будет в Саратове. Хворостину было, конечно, известно, что Академии наук автономным республикам не положены, они существовали только в союзных республиках, но он надеялся этот вопрос уладить с помощью своего покровителя в ЦК ВКП(б). К счастью для Эйнштейна, из этого плана ничего не вышло.

Судьба большинства эмигрантов из Германии в СССР сложилась трагически. Бежав от одной диктатуры, они пали жертвами другой. История Фрица Нётера весьма показательна. Уже в 1937 году он был арестован органами НКВД. Судебный процесс проходил в Новосибирске. Нётер был признан виновным в том, что, будучи членом террористической шпионской организации, основанной в Советском Союзе немецкими разведывательными службами, он по их заданию с 1934 года занимался шпионажем в пользу гитлеровской Германии и организацией актов саботажа на оборонных предприятиях СССР. В числе обвинений фигурировали и совсем фантастические: Фриц якобы должен был помочь немецким подводным лодкам пройти через устье Оби! Никого не озадачило, что Нётер — еврей, считающийся на родине злейшим врагом национал-социализма. Признавая под давлением следствия свою ви-

ну в подобных нелепых обвинениях, Фриц надеялся, что суд увидит всю их несурзность. Но этим надеждам не суждено было реализоваться.

Следствие продолжалось почти год: приговор был зачитан 23 октября 1938 года. Основанием для осуждения названы параграфы 6, 7, 8 и 11 знаменитой пятьдесят восьмой статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, находящиеся в главе «Преступления против государства» в разделе «Контрреволюционная деятельность».

Приговор оказался суров: 25 лет заключения с конфискацией имущества. Жена Фрица умерла еще в 1935 году. Оставшихся без родителей сыновей Фрица — Германа и Готфрида Нётер — в марте 1938 года просто выслали из СССР. То, что им невозможно вернуться в Германию, где они вместе с отцом в том же году были лишены немецкого гражданства, никого не волновало. К счастью, у Германа и Готфрида нашлись родственники в Швеции, откуда молодых людей удалось переправить в США. Оба получили хорошее образование и стали в Америке известными учеными. Но то, что судьба сыновей Нётер сложится благополучно, никто тогда не мог знать.

Фактических доказательств вины Фрица перед советской властью не было и не могло быть. В приговоре есть ссылка на показания самого обвиняемого, сделанные на предварительном следствии, а также протоколы очных ставок с другим обвиняемым, бывшим директором института Львом Александровичем Вишневым. Когда пятьдесят лет спустя Пленум Верховного суда СССР вновь исследовал материалы дела, то было установлено, что все указанные протоколы подделаны. Не было на самом деле ни признания Фрица Нётера, ни показаний против него со стороны Вишнева. Допросы бывших сотрудников Фрица, выступавших в качестве свидетелей, однозначно говорят о лояльности Нётера советской власти, никаких антисоветских высказываний от него никто не слышал. Косвенным подтверждением этого служит и тот факт, что Фриц готовился принять советское гражданство.

Кроме того, и почвы для шпионажа у немецкого профессора не было: в Институте математики и механики Томского университета не велись работы по развитию каких-либо современных систем вооружения. К единственному баллистическому отделу, в котором исследовались какие-то военные задачи, хоть и не связанные ни с каким секретным оружием, Нётер никакого отношения не имел. К секретным работам допуска у профессора не было, ни в какие военные тайны его не посвящали.

Не исключено, что и Эйнштейну грозила судьба несчастного Фрица Нётера, при этом он предложение переехать в Саратов. Фриц тем временем отбывал тюремное заключение в Орловском центре.

Когда в конце лета 1941 года война с бывшим союзником, а теперь заклятым врагом — гитлеровской Германией — подкатила к городу Орлу, большая часть заключенных Орловского центра была этапирована в другие тюрьмы и лагеря, подальше от линии фронта. Но от наиболее опасных своих врагов Сталин решил избавиться немедленно. Он подписал специальное постановление высшего в то время государственного органа — Государственного Комитета Обороны за № ГКО-634сс от 6 сентября 1941 года, позволявшее Военной коллегии Верховного суда СССР осуждать людей и выносить им смертные приговоры. При этом даже возбуждать уголовное дело и проводить предварительное и судебное разбирательства не требовалось.

В отношении 157 орловских заключенных, в том числе и Фрица Нётера, смертный приговор был вынесен 8 сентября 1941 года. Военная коллегия под председательством В. В. Ульриха заочно осудила заключенных по статье 58-10 (часть вторая) за антисоветскую агитацию и пропаганду и приговорила их к расстрелу.

Сталин придавал операции по уничтожению своих политических противников такое большое значение, что не доверил расстрел заключенных местной тюремной администрации, как было обычно принято. Через день после вынесения пригово-

ра в Орел выехала специальная бригада оперуполномоченных из Центра, задачей которых было привести приговор в исполнение. Фриц Нётер был расстрелян одним из первых — 10 сентября.

Все эти подробности стали известны в 1988 году, когда сыновья Фрица — Готфрид и Герман — обратились к Михаилу Сергеевичу Горбачеву с просьбой сообщить судьбу их отца. По указанию Генерального секретаря ЦК КПСС Верховный суд СССР поручил Генеральной прокуратуре пересмотреть «дело профессора Нётера».

В Постановлении Верховного суда СССР № 308-88 от 22 декабря 1988 года говорится: «С учетом всех этих обстоятельств следует заявить, что Нётер был осужден безосновательно. В соответствии с пунктом 1 параграфа 18 Закона о Верховном суде СССР Верховный суд СССР постановляет: приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 23 октября 1938 года и от 8 сентября 1941 года в отношении Нётера Фрица Максимилиановича отменить и дальнейшее судопроизводство прекратить в связи с отсутствием состава преступления». Постановление подписано Председателем Верховного суда СССР С. И. Гусевым.

На могиле Регины Нётер на католическом кладбище старинного городка Генгенбах, рядом с надгробной плитой с ее именем, которую Фриц своими руками установил в 1935 году, его сыновья поставили новый памятный знак: камень, на котором каждый может прочитать такую надпись:

В память
профессора доктора Фрица Александра Нётера
7 октября 1884 Эрланген — 10 сентября 1941 Орел
Железный крест 1914—18
ЖЕРТВА ДВУХ ДИКТАТУР
1934 — изгнан из Германии из-за расы
1938 — в Советском Союзе обвинен и осужден
1941 — казнен
1988 — объявлен невиновным

Казалось бы, в деле несчастного профессора, попавшего в жернова двух самых безжалостных диктатур кровавого XX века, можно поставить точку. Однако жизнь преподносит иногда такие повороты сюжета, которые не выдумает ни один драматург.

Жизнь после смерти

В 2009 году после публикации моей статьи [Беркович, 2009а] о семье математиков Нётер уже знакомый читателю Борис Шайн сообщил в редакцию «Заметок по еврейской истории» поистине сенсационную новость: Фрица Нётера видели живым в Москве поздней осенью 1941 года, то есть после официальной даты его расстрела — 10 сентября. Новостью, правда, сообщение Бориса Шайна назвать трудно, ибо первый раз автор упомянул об этом факте еще в 1981 году в немецком реферативном журнале по математике «*Zentralblatt für Mathematik und ihre Grenzgebiete*». Реферируя книгу Аугусты Дик об Эмме Нётер [Dick, 1981], Борис сделал в реферате примечание: «...однако, как говорил мне один мой знакомый, он встретил Фрица Нётера в самом центре Москвы в самом конце 1941 года или в начале 1942 года. После этого, насколько я знаю, никто не встречался с ним больше. Это показывает, что в конце 1941 года Фриц Нётер был еще жив» [Беркович—Шайн, 2009].

До отъезда в США в 1979 году Борис Моисеевич Шайн работал в Саратовском государственном университете. Вот что он сам написал спустя 28 лет (я только исправил год смерти Савелия Владимировича):

В Саратове на мехмате нашей кафедрой аэро- и гидродинамики заведовал проф. Савелий Владимирович Фалькович, он умер в 1982 г... Все, что я дальше говорю о Ф. Нётере, я слышал от него. Как-то (думаю, где-то в 70-х годах), мы разговорились о жертвах сталинского террора, и он заметил, что даже в самые плохие годы кое-кого изредка выпускали из тюрем и лагерей.

Он рассказал как, будучи аспирантом или недавно защитившимся сотрудником того же мехмата, он ехал в командировку в Москву в начале войны (кажется, в декабре 1941 г., но точного месяца я уже не помню). Я родился в Москве, война началась в мой третий день рождения, и нас эвакуировали в конце сентября или октябре 1941 г., когда... город собирались сдать немцам. (Мне кажется, что время, когда Фалькович был в Москве в тот раз, было после того, как мы оттуда уехали, но на 100% я в этом не уверен). Чтобы купить билет на поезд, нужно было предъявить так наз. «мандат», который у него был. В Москве в вагоне метро он неожиданно встретил Фрица Нётера, с которым был знаком с предвоенных времен. Поскольку Фалькович знал из слухов, что Нётера арестовали, он не поверил своим глазам, но поздоровался и проф. Нётер его узнал [Беркович — Шайн, 2009].

Обратим внимание на слова про «мандат», мы к ним вернемся позднее. Далее Борис Моисеевич пересказывает со слов Савелия Владимировича Фальковича историю появления Фрица Нётера в Москве (я только исправил оговорку «Омск» на правильное «Томск»):

Нётер рассказал, что его арестовали в Томске, держали в Орле, он все время доказывал свою невиновность (если я правильно помню, его обвиняли в шпионаже в пользу нацистской Германии). Затем его неожиданно освободили, он только что приехал в Москву и ехал на Лубянку, где должен был получить билет для проезда в Томск к своей семье. На Лубянке он собирался жаловаться на поведение НКВД во время ареста — что-то насчет его книг. Кажется, какие-то из них забрали работники НКВД во время обыска в его квартире. Фалькович пожелал ему успеха, они распрощались, и больше Фалькович его никогда не видел. Более того, он спрашивал многих людей, и никто ничего не знал о Нётере. Т. е. «все» знали, что его арестовали, и он исчез, но деталей никто не знал [Беркович — Шайн, 2009].

Напомню, что первоначальный приговор Фрицу Нётеру включал не только тюремное заключение сроком 25 лет, но и конфискацию имущества, так что вопрос с пропавшими книгами выглядит вполне естественно и правдоподобно.

Реферат Бориса Шайна в немецком журнале нашел одного из самых заинтересованных читателей — сына покойного профессора Нётера. Старший сын Фрица — Герман — стал химиком, а младший — Готфрид — пошел по стопам отца, деда и знаменитой тети — стал математиком, руководителем отделения статистики в американском университете Коннектикута. Готфрид прочитал реферат и нашел его автора. Вот что об этом пишет сам Борис (исправляю еще одну оговорку: «Отто» вместо «Готфрид»):

По возвращении в Америку осенью того же года я получил письмо от Готфрида Нётера, который был Chairman of the Department of Statistics at the University of Connecticut in Storrs (а может, он мне звонил, пока меня не было, и просил перезвонить ему, уже не помню). Он читал мой реферат и заинтересовался замечани-

ем, которое я там сделал. Он сказал, что хорошо помнит, как арестовывали его отца. Отец исчез, и больше они его никогда не видели. По их сведениям отца выдали гестапо в группе других антинацистов (или, в коминтерновской и советской фразеологии, «антифашистов») [Беркович—Шайн, 2009].

Напомню, что разговор происходил в 1981 году, за семь лет до того момента, когда детям Фрица советские власти официально сообщили судьбу их отца. Слухи о выдаче Фрица Нётера нацистам не подтвердились, хотя такое изощренное издевательство над людьми, которых можно было бы считать союзниками советской власти, в те годы было распространено.

Естественно, Готфрид Нётер захотел встретиться с Фальковичем, адрес и телефон которого сообщил ему Борис Шайн, но «железный занавес» в то время выглядел абсолютно непроницаемым, и встреча не состоялась. В том же 1981 году у Савелия Владимировича произошел инсульт, и через год он скончался.

Для оценки правдоподобности приводимых Борисом Моисеевичем сведений уместно привести мнение сына профессора Фальковича — Александра Савельевича — о его университетском преподавателе и руководителе дипломной работы:

У нас на мехмате Саратовского университета было много хороших и очень хороших преподавателей и ярких личностей, но Борис Моисеевич выделялся даже на этом фоне. Казалось, что математику он знал всю целиком, что во второй половине 20 века вряд ли возможно. У него были обширные познания в истории, языке и литературе. Доктор физико-математических наук в 27 лет (а в 29 опять кандидат — антисемитское лобби в ВАКе не утвердило). Он говорил очень быстро — и в бытовом общении и на лекции — но не как футбольный комментатор Синявский, не захлебываясь, а очень четко. Надеюсь, что он и сейчас говорит так же. Речь Бориса Моисеевича была грамматически правильной, все периоды правильно завершались и согласовывались, и не было ощущения суетливости — весь этот устный текст был плотно заполнен информацией и мыслями. Каждый вопрос быстро освещался со всех сторон, с необходимыми оговорками и взаимосвязями со всем, чем можно и нужно. При этом лекцию можно было легко записать, потому что он отделял интонацией крупный шрифт от мелкого. Мог привести пример из совершенно неожиданной области, который всегда оказывался очень уместным. Я такого больше никогда не видел.

Я об этом рассказываю потому, что вчера понял — все эти годы я считал голову Бориса Моисеевича какой-то совершенной машиной, и память его — компьютерной памятью, подчиняющейся законам реляционной алгебры, а не человеческой психологии. То есть что вся информация в его сознании не то что не забывается, но хранится точно в том виде, в котором он ее туда поместил — не обобщается на первичном уровне, не отделяется главное от второстепенного, не отсекаются незначачие детали и т. д. А над всем этим хранилищем уже совершаются мыслительные процессы.

Вчера я понял, что это мое представление было очень наивным — просто я об этом не задумывался никогда. Мое восхищение Борисом Моисеевичем от этого не уменьшилось (из комментариев к статье [Беркович—Шайн, 2009]).

И словно подводя итог оценке личности своего бывшего научного руководителя, Александр Фалькович пишет:

А вообще, почему папа рассказал эту историю именно Борису Моисеевичу? Может быть, именно зная о точной памяти Шайна, его неравнодушии, общительности и широком круге знакомств, в том числе с зарубежными математиками, па-

па надеялся, что про встречу с Нётером станет известно (из комментариев к статье [Беркович—Шайн, 2009]).

Если так, то Савелий Владимирович не ошибся — именно благодаря Борису Шайну мы обсуждаем сейчас эту историческую загадку: когда и с какой целью Фриц Нётер был выпущен на свободу из Орловского централа?

Правдоподобная гипотеза

Сразу оговорюсь, что в последующих рассуждениях мы с каменистой тропы фактов переходим на зыбкую почву правдоподобных рассуждений. Пока не раскрыты и не исследованы все архивы, связанные с «делом профессора Нётера», мы не можем достоверно говорить, как собирались использовать немецкого математика еврейского происхождения НКВД и высшее руководство СССР. Тем не менее определенные суждения мы можем высказать и сейчас, опираясь на имеющуюся информацию.

Прежде всего, стоит подчеркнуть, что сам факт встречи Савелия Фальковича с Фрицем Нётером в Москве установлен достаточно убедительно. Феноменальная память Бориса Шайна ухватила и навсегда зафиксировала этот эпизод в случайном, в общем-то, разговоре: *«То, что Фалькович сказал мне, что видел Нётера в Москве, — это я хорошо помню. О времени этой встречи — тут я на 100 % не уверен. Про железнодорожный «мандат» я помню хорошо. Но их, кажется, ввели задолго до войны. Может быть, это было перед войной, но мне кажется, что после ее начала. Так или иначе, Фальковичу не было никакой необходимости что-то сочинять, про Нётера он сказал чисто случайно. Т. е. я уверен, что Ф. его действительно видел. Значит, Нётера на самом деле выпускали из тюрьмы, а потом снова посадили, притом до того, как он успел с кем-то связаться, а может, и связался с кем-то, но мы об этом не знаем»* [Беркович—Шайн, 2009].

Точно так же уверен в том, что его отец встретился с Фрицем Нётером, и сын Савелия Владимировича — Александр:

Эта встреча действительно имела место (Борис Моисеевич не мог перепутать, а уж Савелий Владимирович — естественно, т. к. это произошло с ним самим) (из комментариев к статье [Беркович—Шайн, 2009]).

Менее определенно можно говорить о времени встречи. Почему мне представляется декабрь 1941 года более надежной датой встречи Нётера и Фальковича в Москве, чем любой довоенный месяц? Вспомним, что говорил Борис Шайн про мандат: *«Чтобы купить билет на поезд, нужно было предъявить так наз. „мандат“, который у него был»*. И в другой раз: *«Про железнодорожный „мандат“ я помню хорошо. Но их, кажется, ввели задолго до войны»*.

Насколько могу судить по воспоминаниям родственников и других знакомых людей, мандата для поездки в столицу до войны не требовалось. В гости к москвичам приезжали родственники из других городов и сел. Вряд ли требовались мандаты свинарке Глаше из российской деревни и пастуху Мусаibu из дагестанского аула, героям фильма «Свинарка и пастух», которые приезжают в довоенную Москву на сельскохозяйственную выставку.

Все изменилось после 22 июня 1941 года. В первый день Великой Отечественной войны Президиум Верховного Совета СССР утвердил два важных для нашей темы

указа: «Указ о военном положении» и «Указ об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения» [Орлов—Лебединский, 1947, с. 511—518].

Второй указ определял список регионов, в которых вводилось военное положение. Среди них были Москва и Московская область, но не было ни Саратова, ни Саратовской области. Вот с введения в Москве военного положения въезд в столицу стал возможен только по специальному мандату.

Историк Марк Солонин в беседе со мной подтвердил, что мандатов для въезда в Москву до войны не требовалось, и высказал еще более сильное предположение: мандаты потребовались после введения в столице режима *осадного положения*. Оно было введено Постановлением Государственного Комитета Оборона от 19 октября 1941 года и объявлялось вступившим в силу на следующий день — 20 октября.

Так что встреча Фальковича и Нётера в Москве, вероятнее всего, произошла в конце ноября — декабре 1941 года. А теперь задумаемся, с какой целью выпустили из тюрьмы «опасного преступника», попавшего в список 157 заключенных Орловского центра, которых непременно нужно было расстрелять перед приходом гитлеровцев?

Здесь на память приходит история Хенрика Эрлиха и Виктора Альтера, видных деятелей международного социалистического движения и руководителей польской рабочей еврейской партии «Бунд», арестованных советскими чекистами осенью 1939 года [Беркович, 2010]. Если 10 сентября 1941 года Фриц Нётер, вопреки официальной информации, не был расстрелян, а, напротив, был выпущен на свободу, то его судьба с точностью до дней совпадает с судьбами Эрлиха и Альтера. Ведь их тоже освободили 12—13 сентября после того, как в июле—августе приговорили к расстрелу.

Цель руководства СССР в их случае понятна: Сталин собирался привлечь польских евреев к созданию антигитлеровского комитета. Предложение исходило от Лаврентия Берии, наркома НКВД, присутствовавшего на некоторых допросах руководителей Бунда и Второго Интернационала. Главным аргументом при выборе Эрлиха и Альтера для столь необычной задачи являлась международная известность обоих деятелей рабочего и социалистического движения.

Мог ли найти свое место в этой «компании» Фриц Нётер? Безусловно! Профессор Нётер был хорошо известен среди коллег-математиков всего мира не только сам, но и как представитель славной математической династии: сын профессора Макса Нётера и брат великой Эммы Нётер. Чекисты знали, что на Международном математическом конгрессе 1936 года в Осло, в котором участвовал Фриц и куда не был выпущен ни один советский математик, профессор из Томского университета тесно общался с коллегами из разных стран.

Когда Фрица арестовали, сам Альберт Эйнштейн ходатайствовал о нем и его детях. В 1994 году опубликован русский перевод письма великого физика наркому иностранных дел М. М. Литвинову. Письмо написано в апреле 1938 года, когда подследственный Фриц ждал вынесения приговора:

Господину Народному Комиссару
Литвинову
Москва, СССР
28 апреля 1938 г.
Глубокоуважаемый господин Литвинов!

Обращаясь к Вам с этим письмом, я выполняю тем самым свой долг человека в попытке спасти драгоценную человеческую жизнь. Речь идет о математике, профессоре Фрице Нетере, который в 1934 г. был назначен профессором Томского университета. 22 ноября 1937 г. он был арестован и препровожден в Новосибирск в связи с обвинением в шпионаже в пользу Германии. Два его сына были 20 марта 1938 г. высланы из России.

Я очень хорошо знаю Фрица Нетера как прекрасного математика и безукоризненного человека, не способного на какое-либо двурушничество. По моему убеждению, выдвинутое против него обвинение не может иметь под собой оснований. Моя просьба состоит в том, чтобы Правительство особенно обстоятельно расследовало его дело, дабы предотвратить несправедливость по отношению к исключительно достойному человеку, который посвятил всю свою жизнь напряженной и успешной работе. Если его невиновность подтвердится, я прошу Вас поспособствовать тому, чтобы и оба его сына смогли вернуться в Россию, чего они хотят более всего. Эти люди заслуживают особого к ним внимания.

С глубоким уважением

Профессор А. Эйнштейн [Эйнштейн, 1994, с. 187–193].

Ходатайствовал за Фрица Нётера и известный математик Герман Вейль, ставший на короткое время директором знаменитого Института математики Гёттингенского университета. В письме, написанном 3 октября 1939 года математику Н. И. Мухелишвили, Вейль, тоже вынужденный эмигрировать из Германии, страшась за судьбу двух сыновей и жены-еврейки, просил грузинского коллегу подключить к делу Фрица Нётера всемогущего Лаврентия Берия, которого Вейль назвал в письме Николаю Ивановичу «*твой друг*» [Siegmond-Schultze, 1998, с. 121].

Так что профессор Нётер мог бы своей известностью в научных кругах оказаться полезным и в проекте Еврейского антигитлеровского комитета. Именно известных ученых, способных привлечь к проекту интеллектуалов всего мира, не хватало коллективу, складывавшемуся вокруг Эрлиха и Альтера: там были актеры и режиссеры, литераторы и журналисты, политики и деятели профсоюзного и рабочего движения, но ученых, с которыми лично были бы знакомы Альберт Эйнштейн и Герман Вейль, найти было нелегко.

Фриц Нётер в этом смысле подходил организаторам Еврейского антигитлеровского комитета идеально: всемирно известный математик, еврей по происхождению, сторонник левых, социалистических взглядов, подвергавшийся преследованию со стороны Гитлера и лишенный в 1938 году немецкого гражданства...

Предположение о том, что Фриц Нётер рассматривался руководством НКВД в качестве возможного члена создаваемого антигитлеровского комитета, объясняет и отмену расстрельного приговора от 8 сентября, и освобождение из Орловского центра, и встречу с Савелием Фальковичем в ноябре—декабре 1941 года.

Планы Сталина в отношении Эрлиха и Альтера и проекта антигитлеровского комитета круто изменились именно в декабре 1941-го. Тогда произошло временное сближение с правительством Польши в изгнании, которым руководил генерал Сикорский. 3 декабря 1941 года состоялась встреча Сталина и Молотова с Сикорским и недавно освобожденным из Лубянки генералом Андерсом. Во время этой встречи польские руководители подняли вопрос о бесследно исчезнувших тысячах польских офицеров, расстрелянных годом раньше в Катynie. Сталину пришлось пережить несколько неприятных минут, когда поляки своей настойчивостью буквально прижали его к стенке. Всесильному диктатору пришлось придумывать жалкую ложь о том, что польские офицеры в массовом порядке убежали якобы в Маньчжурию.

Понятно, что Сталину было крайне неприятно неуклюже изворачиваться от прямых вопросов Сикорского. Но он бы попал в еще более щекотливое положение, если бы правда о случившемся в Катынском лесу стала известна миру. То, что Эрлих и Альтер взяли за поручение Сикорского, переданное польским послом в СССР С. Котом, разыскать следы пропавших офицеров, стало известно вождю от приставленных к полякам наблюдателей от НКВД. Своей политической наивностью бундовцы фактически подписали себе второй смертный приговор. На этот раз — окончательный.

На следующий день после встречи Сталина с Сикорским и Андерсом Эрлих и Альтер были арестованы в Куйбышеве, и уже никто на свободе не видел их живыми. В том же декабре исчез и Фриц Нётер, которого после Савелия Фальковича никто больше живым не встречал. Проект Еврейского антигитлеровского комитета закрылся, так и не начавшись. Актеры, предназначенные на главные роли, оказались не нужны. Мавр может умереть, даже не сделав своего дела.

Верна ли наша гипотеза о связи Нётера с Еврейским антигитлеровским комитетом, или НКВД использовал немецкого профессора в какой-то другой своей игре, мы узнаем только тогда, когда откроются все соответствующие архивы. А сейчас даже изученные историками фонды содержат большие лакуны. Гертруда Пикхан, которой разрешили в архиве КГБ на Лубянке ознакомиться с «делами» Эрлиха и Альтера, отмечает, что в предоставленных ей томах отсутствуют протоколы многих допросов. Например, лейтенант НКВД Федотов, который вел дело Альтера в Москве, в постановлении о продлении срока заключения от 12 сентября 1940 года указывает, что уже состоялись 33 допроса подследственного. Однако в деле Альтера, которое предоставили для изучения Гертруде Пикхан, содержалось всего 15 протоколов, то есть большая часть документов из «дела» была изъята [Pickhan, 1994, с. 164].

Что уж говорить о «деле Фрица Нётера», которого никто не видел: детям профессора предоставили только решение Верховного суда о реабилитации.

«Как собеседника на пир»

Часто вспоминают вещие слова поэта: *«Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые»*, мысленно ставя кавычки вокруг слова «блажен». Три наших героя — Фриц Нётер, Виктор Альтер, Хенрик Эрлих — безусловно, сполна ощутили на своей судьбе эти «минуты», длившиеся годы, когда две кровавые диктатуры, то объединяясь, то воюя друг с другом, рвали на части карту Европы и уничтожали миллионы жизней. Вряд ли представлял себе и сам Федор Иванович Тютчев, что означают его пророческие слова, ибо буквально в следующих строчках уточнял: *«Его призвали всеблажие как собеседника на пир»*. Если и «призвали всеблажие», то не «как собеседника», а как корм для ненасытных людоедов, как топливо в пылающие костры, на которых сгорала цивилизация.

В спокойные времена Хенрик Эрлих стал бы успешным адвокатом, Виктор Альтер — преуспевающим инженером, и вряд ли бы они пересеклись по жизни с благополучным немецким профессором математики Фрицем Нётером. Но история распорядилась по-своему, и глобальный террор двух диктатур привел их судьбы к общему знаменателю: все трое бежали от одной диктатуры, а погибли в застенках другой.

В тоталитарном государстве террор приобретает новые черты, это уже не средство справиться с чрезвычайной ситуацией, он не направлен больше на идеологических врагов, как было всегда. В XX веке в сталинском Советском Союзе и гитлеровской Германии террор становится сутью и формой существования режимов, он приобретает системность, не слыханный ранее масштаб и не разделяет врагов и друзей.

Идеология оказалась сильнее здравого смысла, диктатура уничтожала не столько своих потенциальных противников, сколько ни в чем не повинных людей, готовых верно и беззаветно поддерживать существующий строй. Так тиран готовит свое будущее поражение и приближает свой конец.

В мае 1933 года великий физик Макс Планк добился приема у Гитлера и пытался убедить свежее испеченного рейхсканцлера, что такие люди, как Фриц Габер или Альберт Эйнштейн, полезны для страны. По мнению Планка, для таких евреев следова-

ло бы сделать исключение и дать им возможность продолжать научные исследования на благо Германии. Планк настаивал, что нужно подходить к евреям дифференцированно, делать различия между ними. Гитлер резко возразил: «*Это неверно. Жид есть жид, все евреи связаны одной цепью. Где есть один жид, там сразу соберутся евреи всех видов*».

Макс Планк осмелился возразить рейхсканцлеру, что изгнание за рубеж лучших ученых ослабит Германию и, наоборот, укрепит возможных противников. В ответ на это Гитлер стал хвастаться, что обойдется без евреев, его речь становилась все более быстрой и возбужденной, в конце концов фюрер впал в такой раж, что сильно ударил себя по колену и закончил с угрозой: «*Говорят, что я страдаю временами от нервной слабости. Это клевета. У меня стальные нервы*». Планку не оставалось ничего другого, как замолчать и попроситься [Беркович, 2009].

Не нужно искать логики и здравого смысла в преступлении тиранов. Внешне во всех этих «операциях» и «акциях», в которых задействована вся мощь тоталитарного государства, видна продуманная система и глобальная цель, диктуемая идеологической грезой. Но, по сути, эта цель не имеет ничего общего с процветанием государства или с благополучием людей. Уничтожая евреев Европы, Гитлер хотел осчастливить Германию. Осуществляя Большой террор, Сталин хотел усилить Советский Союз в предстоящей войне. На деле оба достигли противоположных результатов.

Идеологическая греза ослепляет. Тот, кто недогнувшей рукой написал в 1937 году полную ярости записку членам Политбюро: «*Всех немцев на наших военных, полувосенных и химических заводах, на электростанциях и строительствах, во всех областях всех арестовать*» [Охотин—Рогинский, 1999], вполне мог бы написать то же самое и в 1953-м, заменив «немцев» «евреями» или любой другой национальностью, благо под жестокой властью Кремля оказались десятки народов многонационального советского государства.

У диктаторов, как правило, «*стальные нервы*», а доводы разума им не указ, если эти доводы противоречат идеологической иллюзии. И хотя своей безумной непреклонностью тиран сам роет себе могилу, он успевает сломать жизнь ни в чем не повинных людей. Трагизм XX века усугублялся еще и тем, что обе диктатуры действовали синхронно, как два жернова, перемальвающие тысячи жизней. Спасшийся от одной диктатуры часто оказывался в лапах другой, и выход из этой ловушки найти было нелегко.

Литература

Ball-Kaduri, Kurt-Jakob. 1963. Das Leben der Juden in Deutschland im Jahre 1933: Ein Zeitbericht. Frankfurt a. M.: Europäische Verlagsanstalt, 1963.

Bredow-Noetzel. 2009. Wilfried von Bredow, Thomas Noetzel: Politische Urteilskraft. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009.

Buber, Martin. 1973. Briefwechsel aus sieben Jahrzehnten. Hrsg. v. Grete Schaeder, Bd.2, 1918—1938. Heidelberg: Verlag Lambert Schneider, 1973.

Dick, Auguste. 1981. Emmy Noether: 1882—1935. Boston—Basel—Stuttgart: Birkhäuser, 1981.

Engelmann, Bernt. 1998. Deutschland ohne Juden. Göttingen: Steidl, 1998.

Pickhan, Gertrud. 1994. Das NKWD-Dossier über Henryk Erlich und Wiktor Alter. Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. Institut für Geschichtswissenschaften. Berlin, S. 155—186. 1994.

Schappacher, Norbert. 1998. Die Universität Göttingen unter dem Nationalsozialismus. In: Heinrich Becker, Hans-Joachim Dahms и Cornelia (Hrsg.) Wegeler. Die Universität Göttingen unter dem Nationalsozialismus, S. 523—551. München: K. G. Saur, 1998.

Segal, Sanford L. 2003. *Mathematicians under the Nazis*. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2003.

Siegmund-Schultze, Reinhard. 1998. *Mathematiker auf der Flucht vor Hitler*. Braunschweig; Wiesbaden: Deutsche Mathematiker Vereinigung, 1998.

Unger, Corina. 2009. *Reise ohne Wiederkehr?* Darmstadt: Primus Verlag, 2009.

Walk, Josef (Hrsg.). 1981. *Das Sonderrecht für die Juden im NS-Staat*. Heidelberg: UTB Uni-Taschenbücher Verlag, 1981.

Александров П. С. Памяти Эмми Нетер. Речь, произнесенная президентом Московского математического общества П. С. Александровым на заседании общества 5 сентября 1935 г. *Успехи математических наук*. 1936. № 2.

Беркович Евгений. Гипотеза Ферма и казус Радзиховского. *Заметки по еврейской истории*. 2008. № 7(98).

Беркович Евгений. Одиссея одной династии. *Еврейская старина*. 2009. № 2.

Беркович Евгений. Прецедент. Альберт Эйнштейн и Томас Манн в начале диктатуры. *Нева*. 2009. № 5.

Беркович Евгений. Расстреляны при невыясненных обстоятельствах. Загадки предыстории Еврейского антифашистского комитета. *Еврейская старина*. 2010. № 1 (64).

Беркович Евгений, Шайн Борис. Одиссея Фрица Нётера. Послесловие. *Заметки по еврейской истории*. 2009. № 11 (114).

Гордон Евгений. Адресат Л. С. Понтрягина — И. И. Гордон. *Семь искусств*. 2011. № 11.

Кликушин М. В., Красильников С. А. Анатомия одной идеологической кампании 1936 г.: «Лузинщина» в Сибири. *Советская история: проблемы и уроки*. Новосибирск, 1992.

Орлов Д. И., Лебединский В. Г. *История советской прокуратуры в важнейших документах*. М.: Юридическое издательство, 1947.

Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. В книге: И. Л. Щербакова (Ред.-сост.). *Наказанный народ. Репрессии против российских немцев*. М.: Звенья, 1999.

Рид Констанс. Гильберт. М.: Наука, 1977.

Эйнштейн Альберт. Письмо Альберта Эйнштейна М. М. Литвинову в защиту проф. Ф. Нётера. 28 апреля 1938. Публ. и пред. В. Я. Френкеля. Пер. Л. В. Славгородской и В. Я. Френкеля. *Звезда*. 1994. № 12. С. 187–193.